

ОТЗЫВ

официального оппонента

о диссертации Ду Чуньян «Перифразы небесных тел в русском языке» (Тамбов, 2020. 192 с.), представленной на соискание учёной степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.01 – «Русский язык»

Для современной науки о языке характерен активный исследовательский интерес к детальному и разноаспектному изучению русской языковой картины мира, запечатлённой в семантике языковых единиц, причём наиболее зримо и явно – в следующих трёх таксономически пересекающихся сферах: 1) фразеологии; 2) дескриптивной и коннотативно отмеченной лексики; 3) внутренних форм языковых единиц, образованных посредством семантических переносов, деривационную основу которых, как известно, образует именно лексика сферы (2). Перифраза, справедливо трактуемая диссертантом как «*аналитическая вторичная* [курсив наш. – В. М.] языковая единица» (с. 18), вполне соотносима со всеми тремя указанными нами сферами, поэтому по праву должна считаться одним из наиболее репрезентативных предметов анализа с когнитивной точки зрения.

Начиная с Античности традиционным объектом познавательного интереса в художественной и научной, а также неразрывно связанной с этими двумя религиозной картине мира была «небесная механика», отражённая русским литературным языком, в частности, в таких поэтизмах, как *хор светил, небесная твердь*, многочисленных названиях Луны (*Диана, Люцина, Геката*, etc.), Солнца, звёзд и других небесных объектов. В этой связи диссертант абсолютно справедливо отмечает: «Языковая картина мира, наряду с другими единицами языковой системы, создается и перифразами. В процессе познания человек отразил в языке объекты неба и представил их в фактах языка – в перифразах небесных тел» (с. 4). Таксономически детализированной типологии и научного описания перифраз, в частности их семантической структуры, мы до сих пор не имеем, что затрудняет: 1) их адекватное лексикографическое представление: как отмечает диссертант, перифрастическому значению «[...] нет толкования ни в одном лингвистическом словаре или справочнике» (с. 5); 2) описание перифраз в учебных целях (в курсах стилистики, культуры речи, лексикологии): так, «[...] отсутствует учебный лингвокультурологический словарь перифраз небесных тел в русском языке, что создает трудности при изучении русской культуры, прочтении поэтических текстов иностранцами, а также в межкультурной коммуникации» (с. 5). Учебные тематические словарики такого типа были бы, безусловно, интересны и полезны в указанных соискателем аспектах. Таким образом, выполненным с применением современных достижений науки о языке специальным монографическим исследованием, посвящённым рассмотрению перифраз с указанных точек зрения, мы до сих пор не располагали. Недостаточная теоретическая изученность данного предмета определяет несомненную *актуальность* рецензируемого диссертационного исследования.

На взгляд рецензента, *научная новизна* полученных соискателем результатов состоит, в частности, в следующем:

1. Построено логически непротиворечивое описание перифраз одной из когнитивно актуальных тематических микросистем современного русского языка, вполне подтверждающее гипотезу предпринятого исследования, согласно которой, по определению диссертанта, «[п]ерифраза является особым средством отражения речемыслительной образной деятельности, связанной с процессом повторного наименования», причём «[я]зыковая образность в перифразах небесных тел лежит не в семантике знаний о небесных телах и не в знании их признаков, свойств или характеристик, а в *особом формате знания* [курсив наш. – В. М.] о небесных телах» (с. 9). Данная мысль приобретает особую значимость ввиду того факта, что, как показало исследование, перифразу следует считать особой формой мышления (см. ниже пункт 3).

2. Выявлены компоненты перифрастического значения, а именно: а) номинативный, б) экспрессивный, в) индивидуально-авторский, г) иносказательный, д) лингвокультурный, е) прагматический (с. 28–42), что позволило представить содержательную сторону перифразы не только как упорядоченную систему, но и как удобную с практической точки зрения аналитическую модель.

3. обстоятельно и критически изучен термин *перифраза* в соотношении: а) с его фонетическими вариантами и синонимами; б) с терминами, обозначающими смежные понятия: *перифраза* как номинативная единица и *перифразирование* как приём, *перифраза* и *парафраз* как лексическая переделка фраземы или текста (здесь можно было бы упомянуть *травестирирование* как разновидность такого парафразы), *перифраза* и *фразеологизм* (с. 18–28), на этой основе более точно определена глубинная сущность анализируемого понятия как «формы мышления» (с. 26). На наш взгляд, тот блестяще доказанный представителем Тамбовской научной школы когнитивной лингвистики факт, что перифраза является именно формой мышления, подтверждается, в частности, и существованием перифрастического стиля (если, по сложившейся отечественной традиции соотносить, вслед за М. Н. Кожинной, стиль с формой сознания).

4. В диссертационном исследовании систематизированы и детально описаны основные мотивационные и структурные типы («модели») перифраз небесных тел. Материалом второй главы полностью подтверждён следующий тезис: «Номинативная плотность концепта “небесное тело” отражает его “содержательное богатство” и может рассматриваться в системе культурно-ценностных координат» (с. 62).

Практическая значимость исследования состоит в том, что выводы, полученные в его результате, а также собранный и тщательно структурированный иллюстративный материал могут быть использованы при подготовке учебных пособий по стилистике и культуре речи, а также в практике преподавания русского языка как иностранного.

По теме диссертации *опубликовано* 12 научных статей, из них 4 – в журналах, включённых в перечень изданий, рекомендованных ВАК. В публикациях соискателя отражено основное содержание результатов диссертационного исследования. Основные положения диссертации и отдельные результаты исследования были представлены на нескольких представительных международных и межрегиональных научных конференциях (в Тамбове, Пекине, Элисте), что свидетельствует о состоявшейся *апробации работы*.

Достоверность полученных в диссертации результатов и выводов подтверждается не только адекватностью использованных методов и приёмов, но и достаточной репрезентативностью собранного языкового материала.

Отдельные *замечания*, точнее, размышления и технические уточнения, а также некоторые вопросы, возникшие у рецензента по ходу чтения этой, безусловно, теоретически перспективной, ценной и глубокой работы, сводятся к следующему:

1. Автором профессионально применён ряд методов и приёмов лингвистического анализа. Здесь заметим, что: а) процедуры «анализа, синтеза, наблюдения, интервьюирования, описания, обобщения и систематизации» (с. 10) лежат в основе описательного метода, не упомянутого, однако активно применяемого соискателем; б) Ду Чуньян вполне успешно использует в ходе исследования и другие методы, впрочем, также не нашедшие отражения в приведённом перечислении: так, уже само название диссертационного исследования и его объект предполагают упоминание мотивационного и контекстуального анализа. Автор справедливо утверждает: «Перифраза богаче экспрессивностью и семантикой, чем замещаемое слово, за счет слов или словосочетаний с обогащенным *переносным* [курсив наш. – В. М.] экспрессивным значением [...]» (с. 30), изучение же семантических переносов облигаторно предполагает применение и упоминание в анализируемой рубрике введения диссертации экспериментальных методов (трансформационного и дистрибутивного).

2. Диссертант утверждает, что «[...] перифраза может быть представлена одним словом» (с. 6, ср. также с. 21). Как известно, у этой точки зрения есть и сторонники, и своя история вопроса. Так, в своё время ещё В. П. Григорьев постулировал возможность «одночленной» перифразы и рассмотрение заглавия (например, стихотворения «Коробейники» Н. А. Некрасова) как «перифразы текста» (Григорьев В. П. К проблеме перифразы // Григорьев В. П. Владимир Хлебников в четырехмерном пространстве языка. Избранные работы. 1958 – 2000-е годы. М., 2006. С. 124 и 131), в этой же связи приведём следующее определение: «[...] под перифразой мы понимаем прагматическое средство описательной замены исходного наименования предмета или явления на основе его дифференциального признака в форме одного слова, словосочетания или предложения» (Чередниченко Ю. Е. Типы перифраз в художественном тексте (на материале русскоязычной и англоязычной прозы современных авторов): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2016. С. 6–7). Судя по приводимым примерам (*Elbflorenz / Дрезден*), однословность перифразы допускает и Ю. А. Бельчиков (*Бельчиков Ю. А. Перифраза // Лингвистический*

энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. М., 1990. С. 371). Не вступая в полемику с указанными нами специалистами, утверждения которых (при условии дополнительного обоснования) имеют полное право на существование, отметим, что допущение однословности перифразы разрушает границу между: а) перифразой, задуманной как «околичнословие», т. е. как риторически и стилистически релевантный «обход слова» (ср. греч. *περίφρασις* 'окольная речь'); б) словом. К сказанному добавим, что едва ли с достаточной мерой определённости можно противопоставить перифразу (как допускающую однословность) и фразеологизм (как единицу, не допускающую однословности): как известно, в давнем и до сих пор не прекращающемся споре о критериях фразеологичности возможную однословность фраземы отстаивал акад. А. А. Реформатский (см.: Реформатский А. А. Введение в языковедение. М., 2002 [1947]. С. 128), а также некоторые из его последователей, так что проблема соотношения со словом является общей для перифразы и фразеологизма.

Здесь необходимо заметить, что в разнообразном и богатом иллюстративном материале, который находим в двух приложениях (с. 171–192), «однословные перифразы» представлены всего двумя-тремя примерами, что, на наш взгляд, говорит о блестящей научной интуиции диссертанта, оставившего однословность перифразы лишь как виртуальную теоретическую возможность. В пользу не однословности свидетельствует и следующий вывод: «[...] в образовании перифрастических наименований небесных тел преобладают *двухкомпонентные словосочетания* [курсив наш. – В. М.], свидетельствующие о первичном признаке познания образов небесных тел и восприятия их сознанием при изначальном членении объектов и сущностей [...]» (с. 109).

3. В отдельных случаях не представляется вполне безупречной логичность суждений соискателя. Разберём с этой точки зрения, к примеру, следующий тезис: «Языковая картина мира, наряду с другими единицами языковой системы, создается и перифразами» (с. 4). В этом, по своей сути абсолютно верном, утверждении видится логическая погрешность: «языковая картина мира» (т. е. совокупность представлений, знаний и мнений, запечатлённая в языковых единицах) едва ли может являться «языковой единицей» (т. е. средством номинации). Некоторые утверждения оказываются не подкреплены аргументами. Так, диссертант утверждает, что «[...] в качестве образной основы номинации перифразы СВЕТИЛО ДНЯ (Солнце) служит метонимия [...]» (с. 24). Однако метонимия предполагает возможность некомпаративной развёртки (напр.: *голубые каски* → *солдаты в голубых касках*), здесь же эта трансформация невозможна, поскольку использован другой вид переноса – с рода на вид, что подтверждает уже не трансформационный анализ, а более уместная для этого переноса субституция: *Вышли на небо светила ночные* (Н. А. Некрасов. Саша) = *луна и звёзды*. Укажем случай цитирования, который явно требует критических комментариев: «"Небесное тело, являющееся *естественным ближайшим* [курсив наш. – В. М.] спутником Земли, светящееся по ночам отражённым светом Солнца, жёлтым, реже красноватым или белым" [Бабенко 2011: 23]» (с. 110). Здесь не только у рецензента, но и у диссертанта должен

возникнуть закономерный вопрос о том, какие ещё естественные спутники, кроме Луны, имеются (и имеются ли, в соответствии со школьным курсом астрономии) у Земли. Византийский богослов и философ Иоанн Дамаскин (675, Дамаск – 753) учит: «Здравая, или хорошая дефиниция ни лишних слов не включает, ни недостатка в оных не имеет» (Ioannis Damasceni Dialectica // Patrologia graeca. Vol. XCIV. Lutetiae Parisiorum, 1864. P. 554).

4. Список использованной литературы (с. 152–170) представляется достаточно объёмным, вместе с тем перечень указанных здесь работ можно было бы дополнить рядом трудов, непосредственно связанных с темой диссертационного исследования и, как кажется, небезынтесных для освещения противоречивой и во многом запутанной истории данного непростого вопроса, в частности: а) отечественных учёных: *Григорьев В. П.* К проблеме перифразы // *Григорьев В. П.* Велимир Хлебников в четырехмерном пространстве языка. Избранные работы. 1958—2000-е годы. М., 2006 (данная статья В. П. Григорьева полезна в связи с концепцией возможной однословности перифраз); *Есменская Н. А.* Текстовая перифраза и ее функционирование в связном дискурсе в современном французском языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2005; *Опахина Е. В.* Глагольные перифразы в старофранцузском языке. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2006; *Похмельных В. В.* Глагольно-именные перифрастические обороты современного русского языка: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1985; *Сиривля М. А.* Перифраз как экспрессивное средство языка газеты (семантико-прагматический аспект): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2007; б) зарубежных исследователей: *Lausberg H.* Handbook of literary rhetoric. Leiden, 1998; *Periphrasis, Replacement and Renewal: Studies in English Historical Linguistics* / Ed. I. Hegedús & D. Pódor. Newcastle, 2013. Среди словарей, освещающих феномен перифразы, было бы желательно упомянуть следующие: *Никитина С. Е., Васильева Н. В.* Экспериментальный системный толковый словарь стилистических терминов. М., 1996; *Dupriez B.* A Dictionary of literary devices: Gradus, A-Z. Univ. of Toronto Press, 1991. Здесь необходимо подчеркнуть, что всю новейшую специальную литературу, непосредственно связанную с предметом своего исследования, диссертант учёл и самым обстоятельным образом рассмотрел.

5. Текст написан аккуратно, язык и стиль работы в целом безупречны; имеются, однако, отдельные недочёты, которые затрудняют восприятие текста либо отвлекают от его содержания, а потому требуют устранения, в частности: 1) «работы <...> И.Б. Голуба, Л.А. Булаховского» (с. 11) вм. «И. Б. Голуб» (*Ирины Борисовны*); 2) некоторые формулировки (в том числе и попавшие в автореферат диссертации) и терминологические обозначения не кажутся вполне точными, например: «антропоцентричная лингвистика» (с. 5) вм. *антропоцентрическая лингвистика*; в этой же связи требует уточнения соотношение паронимических терминов *астрологический* и *астрономический* (с. 52).

Анализ работы позволяет нам прийти к следующему *заключению*. Содержание диссертации соответствует п. 6 («Семантика русского языка») пас-

порта специальности 10.02.01 – «Русский язык», указывающего на актуальность исследований «[...] в области русской языковой картины мира» а также формуле данной специальности, в частности следующему тезису: «Современные принципы изучения языка – интегральность, антропоцентричность, текстоцентричность, коммуникативность, функциональность». Соответствие п. 6 паспорта специальности и формуле специальности состоит в разработке оригинального полиаспектного описания перифраз, а также в уточнении объёма и содержания понятия перифразы. Оценивая диссертацию Ду Чуньян в целом, отметим весьма солидную и репрезентативную иллюстративную базу, ярко выраженную теоретическую направленность работы, аккуратность её оформления, а также логически последовательный, алгоритмизированный стиль изложения. Диссертация изложена научно и методически грамотно, имеет завершённый характер, все её выводы и теоретические положения логически и эмпирически обоснованы, личный вклад соискателя в изучение и решение избранной им сложной научной проблемы представляется бесспорным.

Высказанные нами замечания носят частный характер, побуждают скорее к теоретической дискуссии, чем к оценочным суждениям, и несколько не снижают ценности научного исследования, предпринятого Ду Чуньян.

Анализ представленного к защите диссертационного исследования убеждает в том, что оно является самостоятельной, законченной квалификационной научной работой и в полной мере соответствует всем требованиям, которые установлены Положением о порядке присуждения учёных степеней, утверждённым Постановлением Правительства Российской Федерации от 24.09.2013 года № 842 (пп. 9, 10, 11, 13, 14), а его автор, Ду Чуньян, заслуживает присуждения искомой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.01 – русский язык.

Доктор филологических наук
по специальности 10.02.01 – русский язык,
профессор, почётный работник высшего
профессионального образования Российской Федерации,
профессор кафедры русского языка
и методики его преподавания

Института русского языка и словесности
ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный
социально-педагогический университет»
(400066, г. Волгоград, просп. им. В. И. Ленина, д. 27)
+7 (8442) 24-13-60; vspu@vspu.ru

Москвин Василий Павлович

*Копия заверена
Мадаев Ю. А.
9.10.2020*